

Прерванный
ошизуск

Наталья Тудаль

Наталья Тудаль

Прерванный отпуск

<https://litres.ru/74213673>

Аннотация

Когда твой идеальный отпуск прерывают недовольные кикиморы, раненый принц и вторжение инквизиторов — пора доставать из сундука не только целебные травы, но и парочку древних заклятий.

Эветта Лунденс, могущественная ведьма с чувством юмора острее своего серпа для сбора трав, объявила себе десятилетний релакс. Её план был прост: зачарованный дом, болотные ягоды от кикимор и ноль контактов с человечеством. Но судьба, как всегда, внесла свои коррективы в виде Каэлена — раненого принца с магией уровня ядерного реактора и даром раздражать её с первой секунды.♥️#

И помните: если ведьма улыбается — бегите. Если смеётся — уже поздно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	32
Глава 8	35
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	54
Глава 14	59
Глава 15	63
Глава 16	68
Глава 17	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Если бы кто-то спросил меня, что я думаю о бессмертии, я бы, наверное, вежливо поинтересовалась, не приложить ли ему головой к ближайшему дубу — для вразумления. Бессмертие — это скука высшей пробы. А вот долгожительство... Долгожительство имеет свои прелести. Например, полное право объявить себе десятилетний отпуск после двух с лишним веков решения чужих — всегда чужих — проблем.

«Релакс» — именно так я это называла, растягиваясь в плетеном кресле на крыльце моего дома. Моего дома, которого никто не видел. Не потому, что он был невидим в буквальном смысле, хотя и это тоже. А потому, что он просто не желал быть найденным. Дороги к нему извивались и закручивались в спирали, тропинки вели в сторону, а сам он стоял в сердце леса, за частоколом старых, шепчущих друг с другом дубов, которые были куда надежней любой стены.

Мой дом был живым. Я чувствовала его легкое, сонное покачивание, будто гигантский зверь, пригревшийся на солнце. Стены из вековых бревен дышали, источая аромат смолы, сушеных трав и чего-то неуловимого, вневременного — знания, может быть. Или просто старой пыли. Я склонялась ко второму.

— Нет, милый, полку мы поставим вот здесь, — произ-

несла я, обращаясь к пустоте в углу комнаты. — Потому что я так хочу. А твое мнение о «нарушении гармонии потоков силы» я выслушала, записала и поместила в папку под названием «Неинтересно».

Легкий шелест, похожий на вздох, пробежал по стенам. Полка для сушеных трав, которую я держала в руках, вдруг стала невесомой и плавно придвинулась к выбранному мной месту, словно ее подхватила невидимая волна.

— Вот и славно. Компромисс — основа любых здоровых отношений. Даже с собственным жилищем.

Мой взгляд скользнул по главной комнате: книги, свитки, склянки, замысловатые инструменты, собранные за века, — все было разбросано с небрежным хаосом, который был высшей формой моего порядка. Здесь царила моя воля, и это было куда приятнее, чем любая имперская корона.

Я вышла в свой сад. Он не был садом в привычном понимании. Здесь не было грядок. Здесь были заросли, где плечом к плечу росли целебный шалфей и ядовитый болиголов, где серебристая полынь обнимала корни волшебного папоротника, а грибы-говорушки вели тихие беседы по ночам. Я прошла между ними, и растения тянулись к моему подолу, касаясь меня с почтительным любопытством.

— Не притворяйся, что чахнешь, — бросила я кусту с темно-синими ягодами. — Я же вижу, ты просто ленишься цвести. Солнца тебе хватает. Так что давай, без капризов.

Куст зашевелился, и на его ветвях тут же лопнули несколь-

ко тугих почек, выпуская мелкие, душистые цветы. Я кивнула с видом опытного садовода, который знает, как обращаться с капризными питомцами.

Мой день тек медленно и сладко, как густой мед. Я заварила чай из трав, собранных при лунном свете, и устроилась с книгой. Но настоящим наслаждением, кульминацией моего «релакса», было варенье. Не простое варенье, а «Варенье Ностальгии» из болотных ягод кикимор. Тех самых.

И как по заказу, у кромки леса, где тень становилась особенно густой и влажной, зашевелилось что-то. Из сумрака выпорхнули, точнее, вышли, нарушая все законы физики, три маленьких существа в платицах из мха и тины.

— Эви, Эви! — запищали они. — Несем тебе ягодок! Спелых-преспелых!

Я снизошла до улыбки. С кикиморами я позволяла себе быть почти нежной.

— Здравствуйте, мои болотные харитки. Не растеряли ли вы кого-нибудь из сестриц по дороге? Или ваши топи сегодня особенно гостеприимны?

— Ах, Эви, всегда шутишь! — захлопала в ладоши одна из них, Шелёпка. — Мы для тебя самые лучшие собрали! На самом солнечном кочке!

— На кочке, которую Леший на днях пнул от скуки, — уточнила вторая, Бульбочка.

— А мы ему за это в сапог лягушку подсунули! — добавила третья, Цапка, и все три захихикали.

Я взяла корзинку. Ягоды и впрямь были идеальны, каждая — маленькая концентрация дикой, болотной магии.

— Благодарю, — сказала я, и в моем голосе прозвучала неподдельная теплота. — Взамен, как обычно, кладовая открыта. Соль, блестяшки и один (именно один!) медный таз для ваших шалостей. Только чур, не топите в нем в этот раз бедолагу-плотогона. В прошлый раз его крики мне даже сны тревожили.

Кикиморы, визжа от восторга, понеслись к дому, который на мгновение «подобрел» и выпустил их.

Я наблюдала за ними, помешивая ложечкой чай. Двести сорок пять лет. Опыт десятков поколений предков, шепчущий в моей крови. Знания, способные перевернуть миры. А счастье оказалось таким простым: тихий дом, живой лес, болотные ягоды и полное, абсолютное отсутствие обязанностей перед кем бы то ни было.

Я глубоко вздохнула, вдыхая аромат хвои, влажной земли и свободы. Десять лет. У меня еще было впереди целых семь лет этой благодати.

И черт меня побери, если я кому-то позволю это прервать, — подумала я с легкой, язвительной ухмылкой, обращенной ко всему миру.

Все было идеально. И, как это часто бывает, именно в такие моменты идеальность начинает давать трещины. Но пока что их не было. Был только покой, сладкий, как варенье из болотных ягод.

Глава 2

Я проснулась от вкуса. Не от звука или света. Именно от вкуса — металлического, едкого, будто я слизала ржавый гвоздь с подгоревшей магией. Он висел в воздухе, невидимый для обычных чувств, но для меня такой же осязаемый, как дым от костра.

«Прекрасно, — подумала я, не открывая глаз. — Или не-пре-красно. Семь лет до конца отпуска, а вселенная уже подкидывает мне первые «сюрпризы»».

Я потянулась, чувствуя, как старые половицы подо мной ласково потрескивают, словно успокаивая. Но дом был напряжен. Я чувствовала и это — легкую дрожь в магических связях, которые опутывали его с фундамента до крыши.

— Я знаю, — проворчала я, наконец вставая. — Не нравится и мне. Но лежать и ждать, пока эта гадость пропитает мои подушки, — не в правилах нашего дома.

Наскоро заварив крепкий чай с полынью — чтобы перебить мерзкий привкус, — я вышла на крыльцо. Утро было по-осеннему ясным и прохладным. Лес стоял в золоте и багрянце, казалось, дышал покоем и умиротворением. Но для моего восприятия он был испещрен ядовитыми нитями. Слабые, едва заметные струйки того самого «ржавого» влияния тянулись с востока, со стороны нейтральных земель, граничащих с Парадизом.

«Ну конечно, откуда же еще, — мысленно фыркнула я. — Фанатики из Культа Единого. Не могут сидеть в своей изоляции, обязательно нужно травить соседей».

Первым делом я проверила границы. Обошла свой часток из дубов, положила ладони на шершавую кору самого старого из них.

— Ну что, дедуля, чувствуешь?

Дуб ответил мне медленным, гулом, полным недовольства. Его корни, уходящие глубоко в землю, пили ту же отраву, что была в воздухе. Не смертельную, нет. Но раздражающую. Как постоянный, назойливый шум.

— Потерпи, — прошептала я. — Разберусь.

След привел меня к ручью. Моя ручей, весело звеневший по камням всего пару дней назад, теперь тек лениво, и его вода, обычно кристально чистая, имела мутноватый оттенок. Я опустила пальцы в струю и тут же отдёрнула. Не больно, но неприятно — как от слабого удара током. Магия воды боролась с чужеродным вторжением, но проигрывала.

«Экологическая катастрофа местного масштаба, — с горькой иронией констатировала я. — И все ради чего? Чтобы доказать, что их бог един и всемогущ? Как же это по-детски».

Я уже собиралась углубиться в лес, чтобы найти источник, как услышала знакомое шуршание. Из-за папоротника выполз, точнее, просочился из тени, Лесовичок — маленький дух, похожий на корявый сучок с парой блестящих глаз-бу-

синок.

— Хозяйка... — просипел он. — Скверно... Земля болит... Воздух жжётся...

— Я знаю, дружок, — кивнула я, присев на корточки, чтобы быть с ним на одном уровне. — Ты видел, откуда это идет?

Он затрясся всем телом.

— Люди... в железных ящиках... Копали, ставили... Шипит... — Он показал на восток. — У старой сосны... что молния была...

Старая сосна... Я знала это место. Пара часов пешком, если идти обычной тропой. Или несколько минут, если не церемониться с пространством.

— Спасибо, — сказала я и протянула ему крошечную крупинку засахаренной росы. — Иди к своим, предупреди, чтобы не ходили туда.

Лесовичок, схватив лакомство, тут же растворился в воздухе.

Я выпрямилась, смотря в сторону востока. Мое прекрасное настроение испарилось без следа, сменившись холодной, знакомой усталостью. Опыт предков шептал, что это лишь начало. Что «железные ящики» и «шипящие» штуки — это не просто случайная вылазка. Это система. Это чума, которая медленно, но верно ползет по моему лесу.

«Ну что же, — подумала я, чувствуя, как по телу разливается привычная энергия готовности к бою. — Похоже, ре-

лакс приостанавливается. На безвозмездной основе, разумеется. Никто не предложит мне за это ни монет, ни даже личной бутылки вина».

Я сделала шаг вперед — и пространство вокруг меня сжалось, поплыло. Тропа под ногами сократилась, превратившись в тоннель из света и тени. Я шла, не обходя деревья, а проходя сквозь них, вернее, сквозь складки реальности, что разделяли нас.

Через несколько минут я уже стояла на опушке у старой, обугленной молнией сосны. И видела то, что и ожидала увидеть. На расчищенном пятачке стоял тот самый «железный ящик» — неуклюжий аппарат, похожий на паровозный котел, увешанный странными шестеренками и исписанный рунами Парадиза. От него в землю уходили толстые медные шины, а в воздух поднималась почти невидимая дрожь — та самая, что отравляла мой лес.

Рядом никого не было. Люди, установившие его, уже ушли. Оставили свою заразу работать.

Я подошла ближе, чувствуя, как моя собственная магия вступает в конфликт с излучением аппарата. Он не просто источал яд. Он высасывал силу из земли, из воздуха, перерабатывая живую магию в эту мертвую, «ржавую» субстанцию.

«Какая утонченная гадость, — с холодным восхищением подумала я. — Не просто уничтожить, а осквернить».

Я уже знала, что сделаю. Я протянула руку, концентрируя волю. Мне не нужны были заклинания или ритуалы. Мне бы-

ло достаточно понять структуру, увидеть слабые места. Молекулярные связи металла под моим взглядом начали вибрировать, терять прочность.

— Знаешь, — сказала я тихо, обращаясь к аппарату, — у меня был план на сегодня. Сварить варенье. А теперь придется заниматься утилизацией чужого хлама.

Железный ящик затрещал, по его поверхности поползли трещины.

— Это сильно меня бесит.

С громким хлопком аппарат рассыпался в кучу ржавой пыли и оплавленного металлолома. Ядовитое излучение прекратилось. Но неприятный привкус во рту остался.

Я стояла и смотрела на восток, за границы королевства, туда, где лежала империя фанатиков.

«Это было только начало, — прошептал во мне голос опыта. — Их будет больше».

И впервые за долгие семь лет я почувствовала не раздражение, а нечто другое. Холодную, безжалостную уверенность. Они посмели потревожить мой покой. Они посмели навредить моему дому.

«Очень, очень плохая идея».

Глава 3

На следующее утро отвратительный привкус ржавчины в воздухе наконец-то рассеялся. Дом дышал ровно и спокойно, а лесные духи, судя по их оживленной перекличке за окном, вернулись к своим обычным проказам. Я позволила себе расслабиться — насколько это вообще было возможно после вчерашнего свидания с железным ящиком.

Я уже почти убедила себя, что день пройдет в блаженной тишине, как вдруг до меня донесся знакомый, но всегда неуместный звук — далекий, прерывистый плач. Человеческий. Детский.

Я замерла с пучком мяты в руке. *Опять?*

Легкий шепот предков в крови напомнил мне: конец осени, деревня за лесом собирает последний урожай, дети, оставленные без присмотра, вечно норовят забраться в чашу за «волшебными» шишками или побегать от скуки.

Я тяжело вздохнула, отложив травы. Мой «релакс» определенно кто-то испортил на ритуальном уровне. Сначала железные ящики, а теперь — потеряшки.

«И ведь не бросишь же их там, — с раздражением подумала я. — Потом всей деревней будут шляться по лесу с факелами и криками, распугают всех духов, напрочь собьют магический баланс, а мне потом расхлебывать».

Это была не доброта. Это был трезвый, прагматичный

расчет. Спокойствие моего леса было для меня важнее принципа невмешательства.

Я закрыла глаза, позволив слуху раствориться в лесной паутине звуков. Плач доносился с севера, из-за Заячьего ручья. Двое. Маленькие. Напуганы, но не ранены.

— Ладно, — проворчала я, выходя из дома. — Пора работать лесным гидом. Опять. Бесплатно.

Я не стала применять пространственные скачки — не хотела пугать их еще больше. Вместо этого я просто пошла, и лес сам подсказывал мне дорогу. Ветви расступались, кочки сглаживались, а тропинка, которую минуту назад не существовало, мягко вилась под моими ногами, ведущая точно к цели.

Я нашла их у подножия старого вяза. Двое ребятишек, лет пяти и семи, прижимались друг к другу, их лица были перепачканы слезами и грязью. Мальчик, тот, что постарше, пытался выглядеть храбрым, но его нижняя губа предательски подрагивала.

— Вот черт, — пробормотал он, увидев меня.

Я подняла бровь.

— Неплохое приветствие для той, кто пришла вытаскивать вас из этой чащи. Вы из Сосновки?

Дети кивнули, уставившись на меня широкими глазами. Я, должно быть, казалась им лесной диковинкой — высокая, странная женщина в простом, но явно не деревенском платье, с глазами, слишком зелеными и старыми для ее молодости.

го лица.

— А... а вы ведьма? — прошептала младшая, девочка с двумя растрепанными косичками.

— Нет, милая, я знахарка. Ведьмы летают на метлах и крадут детей, а знахарки находят заблудившихся и выводят их домой. По-моему, очевидная разница.

Мальчик немного осмелел.

— А почему мы раньше вас не видели? Где ваш дом?

— Мой дом очень стеснительный, — ответила я, поворачиваясь и жестом предлагая им следовать за мной. — Он не любит, когда на него пялятся. Идемте, ваша мама, наверное, уже волосы на себе рвет.

Тропинка, которую я создавала, вела их самым простым и безопасным путем. Я незаметно направляла их взгляд от ядовитых ягод, а ветка, которая могла бы хлестнуть их по лицу, мягко отводилась в сторону. Мы шли, и я разговаривала с ними — сухо, с легкой насмешкой, но без злобы. Рассказала, как отличить съедобный гриб от поганки по песне, которую напевает дождевой червь у его корней, и почему не стоит строить рожицы старым пням — они могут обидеться и подставить подножку.

Дети слушали, замороженные, их страх постепенно сменялся любопытством.

Когда сквозь деревья заблестели огни Сосновки, я остановилась.

— Дальше сами. Прямо по этой тропе. И в следующий

раз, прежде чем бросаться в лес, как сумасшедшие зайцы, вспомните, что у меня планов на вечер куда больше, чем искать вас.

Они кивнули и, не сказав больше ни слова, бросились бежать к деревне. Я постояла еще мгновение, наблюдая, как они исчезают в сумерках. Где-то вдали донёсся облегченный крик женщины.

Уголок моего рта дрогнул. Глупая, бессмысленная сентиментальность. Но лес был спасен от вторжения паникующих деревенских.

Я повернулась, чтобы вернуться домой своим, коротким путем. Но прежде чем сделать шаг, я замерла. Где-то на краю восприятия, далеко и приглушенно, шевельнулось что-то новое. Острый, как отточенный клинок, след внимания. Чужого. Профессионального. Он был так далек, что почти неуловим, но его прикосновение к магии леса было безошибочным, как первый морозный узор на стекле.

Кто-то еще был в лесу. Кто-то, кто умел не шуметь.

«Настоящий охотник, — мелькнула у меня мысль, и в груди похолодело. — Или шпион».

Я сжала губы, глядя в сторону, откуда тянулся этот невидимый шуплющий шупалец. Сначала «ржавчина». Теперь это.

Мой релакс стремительно катился под откос.

— Ладно, — тихо прошептала я в наступающую ночь. — Похоже, игра начинается. Жаль, меня никто не спросил, хочу

ли я в ней участвовать.

С этим я шагнула в складку пространства, оставив на опушке лишь шелест опавшего листа. У меня внезапно появились дела поважнее, чем варенье.

Глава 4

Прошло три дня. Три относительно спокойных дня, если не считать того, что я провела их в состоянии легкого, но постоянного напряжения. Тот острый, чужой след на краю моего восприятия больше не появлялся. Возможно, охотник или шпион, кто бы он ни был, ушел. Возможно, просто за-
таился получше. Я склонялась ко второму, но предпочитала делать вид, что верю в первое. Отрава позитивного мышления, знаете ли.

Я занималась привычными делами, пытаюсь вернуть себе ощущение релакса. Перебирала гербарий, слушала, как дом поскрипывает балками, словно потягиваясь после сна, и даже попыталась сочинить язвительную балладу о достоинствах одиночества. Рифма не шла. Видимо, за два с лишним века поэтическое вдохновение ко мне так и не снизошло.

Именно в тот момент, когда я уже почти убедила себя, что могу расслабиться, я снова почувствовала его. Не того, не охотника. Другой, знакомый и уже порядком поднадоевший запах. «Железный» и «серный» шлейф Парадиза.

На этот раз он был ближе. Гораздо ближе. Где-то на болотах, у восточной границы моего леса.

Я замерла, чашка с чаем застыла в моей руке на полпути ко рту. *Опять? Неужели им мало одного разгромленного ящика?*

Гнев, холодный и острый, как ледяная сосулька, ткнулся мне под ребро. Но я подавила его. Моя первостепенная задача — покой. Мой покой. Если эти идиоты просто пройдут через болото, не трогая никого, я, возможно, великодушно позволю им уйти. Русалки сами разберутся с непрошеными гостями, а кикиморы отлично умеют прятаться.

Я поставила чашку. Спокойствие — не равно бездействию. Это равно контролю. А чтобы контролировать ситуацию, ее нужно видеть.

Сделав легкое движение рукой, я шагнула в сторону. Реальность вокруг меня задрожала, цвета потускнели и поплыли, звуки стали приглушенными, будто доносящимися из-под толстого слоя воды. Я оказалась в Подпространстве — тонком слое реальности, который был моей личной смотровой площадкой. Здесь я была тенью, эхом, невидимым свидетелем.

Болото предстало передо мной в призрачном, зеленоватом свете Подпространства. Воздух дрожал от искаженных криков и смеха. Их было пятеро. Люди в грубых, практичных одеждах, с нашивками Культа Единого на плечах. Их лица искажены не столько фанатизмом, сколько скучающей жестокостью. Они окружили невысокую фигуру, которая пыталась вырваться. Шелёпку.

Одна из кикимор, та самая, что три дня назад с таким восторгом таскала мой медный таз. Ее платице из мха было порвано, веточка с ягодами валялась в грязи, растоптанная

сапогом.

— Давай, пляши, нечисть! — рычал один из них, тыча в нее горячей головней. От огня Шелёпка взвизгивала и жалалась, и ее тонкий, испуганный писк резал слух острее, чем любой магический крик. — Покажи, как ты соблазняешь праведных мужей в твоих гнилых топях!

— Ой, смотри, как боится! — хохотал другой, швырнув в нее комком грязи. — А ну-ка, Расскажи, где тут твои сестрицы прячутся? Мы их всех к Единому призовем, очистим!

Я стояла в Подпространстве, и холод внутри меня нарастал, сковывая все, кроме мысли. Он был абсолютно ясной, отточенной, как лезвие. Эти люди не были похожи на тех, кто ставил ящики. Те были технарями, инженерами от зла. Эти... эти были палачами. Развлекались.

Я видела, как из-за коряг выглянули еще две пары черных-бусин глаз — Бульбочка и Цапка. Они были в ужасе, их тонкие ручки сжимались от страха.

Мой релакс умер. Тихо и бесславно, растоптанный грубыми сапогами в болотной грязи. На его месте родилось нечто иное. Не горячая ярость, а леденящая, абсолютная уверенность.

Они перешли черту. Не мою личную — какое мне, в сущности, дело до каких-то людей? Они осквернили баланс. Они причинили боль тем, кто был под моей защитой. Они нарушили мой покой.

Я вышла из Подпространства.

Оказалась я среди них не внезапно, нет. Я просто возникла из воздуха, как материализовавшаяся тень. Они заметили меня не сразу. Первым делом я посмотрела на Шелёпку.

— Иди к сестрам, — тихо сказала я. Мой голос прозвучал непривычно ровно, без единой нотки насмешки.

Кикиморы, не раздумывая, метнулись прочь и растворились в болотной мгле.

Люди из Парадиза замерли, разинув рты. Вид у меня, должно быть, был подходящий: высокая женщина в темном платье, с лицом, на котором не было ни страха, ни гнева, лишь ледяное, безразличное спокойствие. И зеленые глаза, которые видели их насквозь.

— Еще одна ведьма! — прохрипел тот, что с головней. — Вязать ее!

Он бросился ко мне. Я не шевельнулась. Я просто посмотрела на него. Не на него самого, а на молекулярные связи воды в его крови, на электрические импульсы в его нервной системе.

Он не упал. Он рухнул, как подкошенный, еще не успев сделать и двух шагов. Беззвучно. Его товарищи застыли в оцепенении.

— Колдовство! — завопил другой, хватаясь за амулет на груди.

Я перевела на него взгляд. И на следующего. И на того, что стоял сзади, пытаюсь достать свиток с заклятьем.

Один за другим они падали на колени, а затем и вовсе на

влажную землю. Не в смертельных конвульсиях. Просто в глубоком, беспробудном сне. Я не убивала их. Мертвые не учатся на своих ошибках. А еще они привлекают внимание начальства и вызывают ненужные вопросы.

Тишина. Лишь бульканье болота да прерывистое дыхание последнего, самого молодого из них. Он смотрел на меня с животным ужасом.

— П-пощади... — прошептал он.

— Я и так пощадила, — ответила я тем же ровным, холодным тоном. — Ваша смерть была бы слишком шумной и испортила бы воду.

Я повернулась спиной к этой груде тел, больше не глядя на них. Из темной воды тихо показались бледные лица с длинными влажными волосами. Русалки. Они смотрели на меня, потом на бесчувственных солдат. В их глазах читалось понимание и... одобрение.

— Забирайте, — сказала я им. — На дно. Пока они не просочатся в ваши озера.

Русалки беззвучно скользнули на берег. Их скользкие руки ухватили людей и потащили в темную воду. Через мгновение на поверхности не осталось ничего, кроме медленно расходящихся кругов.

Я стояла одна посреди болота, пахнущего теперь не только тиной, но и страхом и рвотой. «Ржавый» привкус наконец исчез, вытесненный чем-то более тяжелым и горьким.

Я понимала, что только что подписала себе приговор.

Пропавший патруль — это не то же самое, что уничтоженный бездушный механизм. За этим придут. И придут не с инженерами, а с инквизиторами.

«Прекрасно, — подумала я, глядя на пустое болото. — Теперь у меня настоящая война на пороге. И все из-за нескольких болотных ягод».

Но, странное дело, я не чувствовала ни раздражения, ни усталости. Лишь холодную, уверенную ясность. Релакс окончен.

Глава 5

Я вернулась домой, и дом встретил меня тревожным гулом. Стены вибрировали, словно отзвучавший натянутый нерв. Он чувствовал остатки магии, что струились с меня ледяным потоком, и запах чужих страхов, въевшийся в подол.

— Успокойся, — пробормотала я, проводя ладонью по косяку двери. — Все кончено.

Но это была ложь, и мы оба это знали.

Я прошла в глубь жилища, к своей кладовой с травами. Руки сами потянулись к знакомым склянкам — валериана, мята, лаванда. Все, что могло хоть как-то сгладить острые края случившегося. Но я остановилась. Зачем? Чтобы успокоиться? Я и так была спокойна. Слишком спокойна. Такое ощущение, будто все эмоции во мне заморозились в тот момент, когда я смотрела на падающих замертво солдат.

Вместо успокоительного я взяла бренди. Прямой, крепкий, без всяких там травяных примесей. Налила в простой глиняный кубок и выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но не смогла растопить лед внутри.

«Идиоты, — беззвучно прошептала я, глядя в темное окно, в котором отражалось мое бледное лицо. — Самодовольные, ограниченные идиоты. Не могли просто пройти мимо».

Но они не могли. В этом и была их суть. Увидеть непохожее — и уничтожить. Сжечь. Растоптать. Их вера была

костром, который требовал постоянной подпитки из чужих страданий.

Я чувствовала на себе взгляд. Не чужой, не шпиона. Взгляд Шелёпки, Бульбочки и Цапки. Они стояли на пороге, залитом лунным светом, и смотрели на меня. Их бусинки-глаза были полны странной смеси страха, благодарности и чего-то еще... пиетета. Им было страшно не только от людей, но и от меня. От той легкости, с которой я обратила пятерых вооруженных мужчин в куклы с перерезанными ниточками.

— Эви... — прошептала Шелёпка. — Они... они больше не придут?

— Нет, — ответила я, отворачиваясь от окна. — Не эти.

— А... другие?

Я снова подошла к бутылке с бренди. Налила еще. На этот раз не стала пить, просто смотрела, как огонь в камине играет в золотистой жидкости.

— Возможно, — сказала я наконец. — Но пусть попробуют.

В голосе моем прозвучала та самая сталь, что заставила кикимор вострепнуться. Они переглянулись, и страх в их глазах постепенно сменился чем-то вроде мрачного удовлетворения.

— Мы... мы будем следить, — вызвалась Бульбочка. — Если кто чужой с железным запахом — мы сразу к тебе!

— Хорошо, — кивнула я. — Теперь идите. И... берегите

свои ягоды.

Они ушли, оставив меня наедине с домом, бренди и нарастающим осознанием последствий. Я не сомневалась, что в Парадизе скоро заметят пропажу разведчиков. И в отличие от прошлого раза, когда исчез лишь бездушный механизм, теперь они пришлют кого-то поумнее. Кого-то, кто умеет задавать вопросы. Искать следы. Читать историю места.

Я подошла к книжной полке и провела пальцами по корешкам старых фолиантов. Знания предков шептались во мне, предлагая решения. Укрепить периметр. Создать иллюзорные ловушки. Уйти вглубь Подпространства на время. Но все это было бегством. А я не собиралась бежать из собственного дома.

Я допила бренди и поставила кубок на стол. Звук получился твердым, финальным.

Релакс был не просто окончен. Он был похоронен под слоем болотной грязи. Начиналось нечто иное. Что-то, к чему я не стремилась, но что приняла с холодной готовностью.

Пусть приходят. Пусть ищут. Они найдут не уютное убежище затворницы. Они найдут Хозяйку Леса. И, возможно, это станет их последним открытием.

Глава 6

Следующие несколько дней прошли в странном, зыбком затишье. Лес замер в ожидании, а я — вместе с ним. Я не пыталась вернуться к прежнему ритму — это было бы самообманом. Вместо этого я занялась инвентаризацией. Не трав и зелий, а кое-чего посерьезнее.

Запертая в подвале, куда даже дом ступал с опаской, стояла бабушкина шкатулка. Вернее, не шкатулка, а нечто среднее между сейфом и живым существом, вырезанное из корня древнего дуба. Оно дышало, и чтобы открыть его, нужно было не подобрать ключ, а пропеть правильную ноту в его древесное ухо.

— Проснись, старина, — пробормотала я, проводя рукой по шершавой поверхности. — Пора проветрить старый арсенал.

Шкатулка издала глубокий, дребезжащий вздох и медленно раскрылась. Внутри лежало не оружие в привычном понимании. Не мечи и не посохи. Здесь хранились зачарованные нити, способные сплести паутину иллюзий, гуще любой стены. Камни, впитывавшие солнечный свет, чтобы в нужный момент ослепить врага вспышкой. Зеркальце, показывавшее не отражение, а самые глубокие страхи смотрящего.

Я перебирала эти безделушки, каждая из которых была опаснее полка солдат. Опыт предков шептал, что скоро они

могут пригодиться. Но что-то внутри меня сопротивлялось. Это было бы признанием. Признанием того, что мое уединение кончилось. Что я снова в игре.

Я захлопнула шкатулку с таким раздражением, что та фыркнула и на секунду приоткрылась, плюнув в меня горстью пыли.

— Ну и ладно, — проворчала я, отряхиваясь. — Пока обойдемся без театральных эффектов.

Но бездействовать тоже было нельзя. Я усилила «нежелание» дома быть найденным. Теперь тропы, ведущие сюда, не просто извивались — они закручивались в петли времени, возвращая путника к началу пути после нескольких часов блужданий. Дубовый частокол начал излучать легкое, почти незаметное головокружение для любого, кто осмелится подойти слишком близко.

Именно во время одной из таких проверок границ я и почувствовала нечто новое. Не «железный» след Парадиза и не острое лезвие внимания того самого шпиона. Нечто масштабное. Тяжелое. Как будто в сердце королевства кто-то вбил гигантский гвоздь из тлена.

Я остановилась, прислонившись ладонью к стволу березы, позволив лесу рассказать мне, что происходит. И лес ответил. Шепотом листьев, дрожью земли под корнями, паникой мелких духов, бегущих с востока.

Люди Парадиза не просто шли. Они готовили что-то. Что-то большое. Они копались в земле у старой королевской до-

роги, ставили какие-то камни с рунами, натягивали невидимые нити магии. И цель их была не в моем лесу. Нет. Их цель была в засаде. Они готовили ловушку для кого-то важного. Для делегации.

Мысль пронеслась мгновенно, собранная из обрывков шепотов: послы из Садириз должны были проезжать по этой дороге через три дня с визитом в столицу нейтрального королевства. Мирный визит. Переговоры о торговле, о технологии. Все, что ненавистно Парадизу.

Холодная ярость, на этот раз знакомая и почти... приятная, заструилась по моим жилам. Они не просто нарушали мой покой. Они собирались устроить бойню на пороге моего дома. Опять. Они не понимали, что этот лес, эти земли — часть моего тела. А я не была тем, кто спокойно смотрит, как в его теле роют ямы.

Я не была героем. Я не собиралась спасти послов из любви к справедливости. Но я и не собиралась позволять устраивать магическую эпидемию на моих лугах. Дым от сожженных повозок и вопли умирающих — такое соседство мне не подходило.

«Нет уж, — подумала я, разжимая пальцы на коре березы. — Хватит. Ваша война заканчивается у моего порога».

У меня было три дня. Три дня, чтобы незаметно, тихо и эффективно испортить им все их грандиозные планы. Не уничтожить. Нет. Сделать так, чтобы их заклинания-убийцы сработали вхолостую. Чтобы их ядовитые руны обратились

против них самих. Чтобы дорога, по которой они ждали гостей, привела их напрямик в объятия разгневанных местных духов.

Уголок моего рта дрогнул в холодной ухмылке. Наконец-то появилась задача, достойная моего времени. Не вязание носков и не выпечка пирогов. Настоящая работа.

Я повернулась и пошла прочь от границы, уже составляя в ухе план. Сначала нужно навестить Водяного ниже по течению реки. Его чувство юмора было достаточно черным, чтобы оценить мою затею. Потом — договориться с самим Лешим. Он не любил, когда на его земле шумят.

Возможно, релакс и закончился. Но кое-что начиналось. Не война. Не героическая сага. Нечто более изящное. Тихая, безжалостная диверсия.

И мне уже не терпелось начать.

Глава 7

Три дня. Семьдесят два часа, которые я потратила не на ворчание и попытки вернуть себе покой, а на активную, почти творческую работу. Это было сродни тонкой хирургической операции, только пациентом была сама местность, а болезнью — мерзкая опухоль под названием «Планы Парадиза».

Моя первая остановка — старое русло реки, где под сенью крутого глинистого берега обитал Водяной. Я застала его в дурном настроении; он ворчал, что из-за «железного привкуса» рыба стала невкусной.

— Послушай, — сказала я, опустившись на корточки у самой воды. — Твоя рыба скоро станет еще менее вкусной. Сверху могут нападать трупы и обломки.

Его мутные, как сама вода, глаза сузились.

— Кто смеет?..

— Те самые, чей привкус тебе не нравится. Они хотят устроить засаду на дороге. Прямо над твоим домом.

Водяной заурчал, как разъяренный медведь. Идея осквернения его владений пришлась ему не по нраву. Мы быстро договорились: в нужный момент его волны поднимутся и смоят несколько ключевых рунических камней, которые фанатики вбили в берег.

Следующим был Леший. Он не любил суету, но еще боль-

ше не любил, когда на его территории без спросу копают и строят. Я нашла его дремлющим в чаще, его борода была заплетена из живых плющей, а в глазах светилась вековая дрема.

— Шумят, — сказала я, не тратя времени на предисловия. Леший приоткрыл один глаз.

— Люди всегда шумят. Как дятлы.

— Эти дятлы собираются свалить дерево. Не одно. Целую рощу. Осколками магии.

Второй глаз открылся. В нем вспыхнул зеленый, холодный огонь. Леший не ответил, но я почувствовала, как лес вокруг нас замер, прислушиваясь к его воле. Этого было достаточно. Я знала, что в день засады ветви деревьев «случайно» сбросят гнезда шершней прямо на головы лучников, а корни незаметно подергают за ноги заклинателей в самый неподходящий момент.

Я потратила остаток времени на собственную работу. Под видом старой нищенки я прошлась вдоль дороги, поправляя «случайные» камни и сбивая с толку охранников Парадиза навязчивыми рассказами о погоде. А на самом деле я плела паутину из тихой, незаметной магии. Я ослабляла молекулярные связи в их магических баррикадах, готовя их к обратному удару. Я перенаправляла потоки силы их собственных рун так, чтобы при активации энергия пошла не наружу, а внутрь, в самое сердце их подготовки.

Это была сложная, кропотливая работа. И, черт возьми,

она доставляла мне удовольствие. Я чувствовала себя дирижером, готовящимся исполнить симфонию хаоса для самого неблагодарного оркестра в мире.

Накануне дня икс я стояла на холме, глядя на долину внизу. Все было готово. Ловушки установлены, союзники предупреждены. Оставалось лишь наблюдать.

Но холодный камень беспокойства лежал на дне моей души. Что-то было не так. Я чувствовала это. Их подготовка была слишком... громкой. Слишком заметной для такой скрытной операции. Как будто они не просто готовили засаду. Как будто они готовились к чему-то большему. К демонстрации силы.

Я отбросила предчувствие. Слишком поздно что-то менять. Мой план был идеален. Он должен был сработать.

Ошибка, как шептали мне предки, часто кроется в идеальности.

Глава 8

Предчувствие, упрямое и холодное, не оставляло меня всю ночь. Я не спала, прислушиваясь к шепоту леса, пытаюсь разобрать в нем новые, тревожные ноты. Но все было тихо. Слишком тихо. Даже духи затаились, чувствуя надвигающуюся бурю.

На рассвете я снова была в Подпространстве, невидимый наблюдатель на своем холме. Внизу, в долине, замерла в ожидании королевская дорога. С одной стороны, скрытые в ложбине и за деревьями, люди Парадиза. Их было больше, чем я предполагала. Не отряд, а маленькая армия. И в их построении чувствовалась не просто засада, а готовность к полномасштабному сражению.

С другой стороны, на горизонте, показалась пыль. Делегация Садириз.

Мое сердце, обычно спокойное, учащенно забилося. Пора. Пора предупредить их. Я не могла позволить разыгаться этой кровавой басне на моем пороге.

Я сосредоточилась, отыскивая сознание лидера каравана. Это было похоже на попытку поймать одну определенную рыбку в бурном потоке. Десятки умов, полных мыслей о дипломатии, торговых соглашениях, предстоящих встречах... И там! Более твердое, организованное сознание. Охранник, капитан стражи.

Я послала импульс. Не слова, не образ — чистое предупреждение. Ощущение опасности, острого, как лезвие ножа, прижатого к горлу. *Стой. Опасно. Засада.*

Я чувствовала, как его ум вздрогнул, как насторожился. Он что-то почувствовал. Он поднял руку, и караван замедлил ход. На мгновение у меня мелькнула надежда.

И тут же она была раздавлена.

Среди людей Парадиза кто-то понял, что их раскрыли. Я не знаю, как — возможно, у них был свой чуткий маг. Но вместо паники или отступления среди них вспыхнула яростная, фанатичная решимость. Их лидер, высокий мужчина в черных одеждах, поднял посох с кроваво-красным кристаллом.

Они не стали дожидаться, пока караван развернется. Они не стали ввязываться в бой. Они пошли на самое простое, самое тупое и самое разрушительное.

Он начал читать заклинание. То самое «черное заклятие».

Воздух затрепетал и сгустился, будто перед грозой. Птицы смолкли разом. Свет померк, хотя солнце все еще светило на небе. Я почувствовала, как магия вокруг начинает закручиваться в смертоносный вихрь, высасывая жизнь из самой земли. Трава под ногами солдат Парадиза почернела и рассыпалась в прах.

«Нет!» — крикнула я беззвучно, выходя из Подпространства.

Я пыталась остановить это. Я бросила все свои силы на

то, чтобы разорвать формирующийся узел магии, перенаправить энергию, как делала это с их рунами. Но это было иное. Это была не тонкая работа, а грубый, лавинообразный выброс чистой силы разрушения. Это было как пытаться остановить падающую гору, подперев ее тростью.

Я успела лишь ослабить первый, самый мощный удар, отвел его эпицентр чуть в сторону, от дороги в ложбину, где стояли сами заклинатели. Но этого было недостаточно.

Мир взорвался в огне и тени.

Ослепляющая вспышка, затем — волна силы, которая отшвырнула меня назад, как щепку. Грохот, от которого заложило уши. Земля содрогнулась. Когда зрение вернулось, я увидела ад.

На месте каравана зияла огромная воронка, дымящаяся и черная. Обломки повозок, обугленные деревья, и... части тел. Повсюду. В ложбине, где стояли солдаты Парадиза, было немногим лучше. Их собственное заклятье, слегка смещенное мной, выкосило половину из них.

Тишина. Давящая, звенящая. Пахло гарью, расплавленным металлом и смертью.

Я стояла, не чувствуя ног, с горьким вкусом поражения во рту. Я опоздала. Мои хитрости, мои диверсии — все оказалось прахом перед лицом этой безмозглой, тотальной жестокости.

И тут я почувствовала его. Слабый, но упорный всплеск жизни среди всего этого хаоса и смерти. Чужой магии. Силь-

ной, дисциплинированной, отчаянно борющейся за существование.

Я двинулась на автомате, обходя груды обломков. И нашла его.

Мужчина. Он лежал под обломком какой-то механической повозки Садириз, его одежда была в клочьях и обгорела. Все его тело было покрыто кровью и пылью, но лицо... Лицо было исполосовано свежим, ужасным шрамом, который шел от виска через глаз до подбородка. Шрам не был простой раной — он светился зловещим багровым светом, следствием магического удара, который должен был убить мгновенно.

Но он не умер. Его собственная магия, мощная и глубокая, как океан, сражалась с темным заклятьем, не давая ему умереть. Он был на грани, его жизнь висела на волоске.

Я опустилась на колени рядом с ним, не обращая внимания на грязь. Мои пальцы сами потянулись к его шее, нащупывая слабый, прерывистый пульс.

Он был жив. Единственный.

Я посмотрела на его искаженное болью, но все еще сильное лицо, на мужественные черты, проступавшие сквозь кровь и шрам.

«Ну что ж, — с горькой иронией подумала я. — Похоже, я все-таки кого-то спасла. Правда, всего одного».

И мне предстояло решить, что с ним делать.

Глава 9

Я стояла на коленях в холодной грязи, и мир вокруг сузился до хриплого, прерывистого дыхания умирающего мужчины. Запах гари и смерти щекотал ноздри, напоминая о масштабах катастрофы. Где-то вдали уже слышались крики — должно быть, местные жители или патруль из города спешили к месту взрыва. У меня оставались считанные минуты.

Мысль бросить его здесь и раствориться в лесу была соблазнительной. Практичной. Но она угасла, даже не успев оформиться. Оставить его умирать — значило признать свое полное поражение. Спасти — создать себе невероятные проблемы. Но что-то внутри, какой-то древний, неумолимый инстинкт целителя, уже взял верх.

«Черт побери, — беззвучно выругалась я. — Надо тащить его в лазарет».

Мой «лазарет» был, разумеется, моим домом. До которого — несколько миль непроходимого леса.

Я приложила ладони к его груди, ощущая под пальцами холодную кожу и липкую кровь. Его магия билась о мою, дикая и отчаянная, как раненый зверь.

— Успокойся, — прошептала я, не знаю, ему или его силе. — Сейчас будет больно.

Я не могла нести его физически через весь лес — это отняло бы часы, которых у него не было. Оставался один путь.

Самый короткий и самый опасный для неподготовленного существа. Прямой скачок через пространство.

Я собрала свою волю, представляя себе свою гостиную, мягкий ковер перед камином, полки с травами. Пространство вокруг нас задрожало, зазвенело, как натянутая струна. Я обхватила мужчину за плечи, прижала к себе, чувствуя, как его горячее дыхание обжигает мне шею.

— Держись, — бросила я ему, зная, что он не слышит.

И шагнула.

Мир провалился в калейдоскоп искаженных красок и оглушительного гула. Давление сжало виски, желудок подкатил к горлу. Даже для меня, привыкшей к таким путешествиям, это было неприятно. Для умирающего — пытка.

Он издал хриплый, беззвучный стон, все его тело напряглось в судороге.

Через мгновение мы рухнули на мягкий шерстяной ковер в моей гостиной. Я чуть не потеряла равновесие, оглушенная резкой сменой обстановки. От сладковатого запаха сушеных трав и воска после вони гари и крови кружилась голова.

Дом встретил нас громким, тревожным гулом. Стены сомкнулись плотнее, свет в окнах померк — он чувствовал чужака, чувствовал смерть и чужую, агрессивную магию, которую я принесла на своем подоле.

— Знаю, знаю, — проворчала я, с трудом высвобождаясь из-под тяжелого тела мужчины. — Но это мой выбор, так что придется потерпеть.

Я встала на колени, чтобы осмотреть его. Теперь, при свете камина, было видно все. Шрам был еще страшнее — он не просто светился, он пульсировал, будто живой, высасывая из него силы. Его собственная магия отступала, сжималась к центру, пытаясь сохранить последние искры жизни.

Работа предстояла ювелирная. Нужно было не просто лечить физические раны. Нужно было снять магическое проклятие, вплетенное в плоть.

Я вскочила на ноги, засуетившись. Слянки с антисептиками, ножницы, чтобы разрезать одежду, пучки трав для успокоения боли и стабилизации духа. Дом, ворча, подавал мне все, что я просила, — полотенца появлялись на соседнем стуле, чистая вода сама наливалась в таз.

Я принялась за работу, отрешенно и методично, как делала это бесчисленное количество раз. Очищала, перевязывала, поила отварами. Но главная битва происходила не здесь. Я закрыла глаза, снова положила руки ему на грудь и погрузилась в ту часть его существа, где сходились в смертельной схватке две магии.

Его сила была... потрясающей. Глубокой, как океан, и выкованной, как сталь. Она сражалась не яростью, а невероятной, упрямой волей. Это была магия воина, мага, лидера. Не того, кого можно просто так убить в придорожной засаде.

«Так, — подумала я, с холодным любопытством изучая структуру темного заклатья. — Посмотрим, что ты умеешь».

И я начала свою самую сложную работу за последние

десятилетия. Развязывать узел за узлом, аккуратно рассеивая чужеродную магию, не дав ей взорваться и не повредив его собственную. Это было сродни разминированию. Каждая ошибка — смерть.

Время потеряло смысл. Я существовала лишь в пространстве между жизнью и смертью, в точке, где мое мастерство встречалось с его волей к жизни.

И понемногу, очень медленно, мы начали побеждать.

Глава 10

Время текло странно, то растягиваясь в бесконечность, то сжимаясь в мгновение. Я не знала, сколько часов провела на полу, борясь за жизнь незнакомца. Снаружи давно стемнело, и только огонь в камине освещал его бледное, искаженное болью лицо.

Наконец-то я почувствовала, что кризис миновал. Темная магия отступила, ее ядовитые щупальца были аккуратно отсечены и рассеяны. Оставался лишь уродливый шрам, но теперь он был просто шрамом — заживающей раной, а не каналом для смерти. Его собственная магия, освобожденная, медленно и лениво разлилась по телу, затягивая раны, восстанавливая силы. Он был стабилен. Без сознания, но стабилен.

Я отползла от него и облокотилась о кресло, чувствуя, как дрожь от переутомления охватывает все мое тело. С меня лил пот, руки немели, а в глазах стояла серая пелена усталости. Вытирая лицо окровавленным подолом, я смотрела на свое творение.

Он лежал на ковре, закутанный в одеяло, которое я набросила на него поверх перевязок. Его дыхание было ровным и глубоким. Высокий, мощно сложенный, даже в беспмятстве он излучал силу. Блондин, как я успела заметить раньше. Волосы, слипшиеся от крови и пота, я успела промыть и

откинуть со лба. Черты лица — резкие, волевые, испорченные, но не сломленные шрамом.

«Ну, красавчик, — мысленно обратилась я к нему, смакуя собственную иронию. — Тебе повезло, что я сегодня в настроении играть в сиделку. И что у меня под рукой оказался приличный запас целебных трав, а не только те, что добавляют остроты в болотное варенье».

Я поднялась на ноги, костяшась, и направилась к кухне, чтобы заварить себе чего-нибудь покрепче. Дом провожал меня неодобрительным гулом.

— А ты помолчи, — проворчала я в пространство. — Я знаю, что делаю.

На самом деле, я не знала. Я спасла его, потому что не могла поступить иначе. Но что теперь? Когда он очнется, возникнет миллион вопросов. Кто я? Где он? Что произошло? И главное — как он отсюда уйдет, если мой дом не желает быть найденным?

Я вернулась в гостиную с кружкой дымящегося чая и устроилась в кресле напротив. Теперь, когда адреналин спал, я могла рассмотреть его спокойно. И помимо физической мощи, я чувствовала его ауру. Она была... впечатляющей. Сила в нем была не грубой, а сконцентрированной, подконтрольной. Энергия благородства, не того, что получено по праву рождения, а выкованного характером и поступками. Лидер. Воин. Человек, привыкший нести ответственность.

И, как ни странно, именно это и вызывало во мне раздра-

жение. Такие люди редко бывают удобными. Они не склонны слепо доверять загадочным незнакомкам, которые вытаскивают их с того света. Они задают вопросы. Они ищут контроль.

Я сделала глоток чая, чувствуя, как тепло разливается по уставшему телу. Между нами, в тишине комнаты, уже витали невысказанные вопросы. И что-то еще. Тонкая, незримая нить. Первая искра.

Она пробежала, когда я, борясь с темным заклятьем, ощутила всю мощь его воли. Когда наша магия на мгновение слилась в борьбе с общим врагом. Это было мимолетное прикосновение, но... значимое.

Я смотрела на его спокойное лицо и понимала: его пробуждение принесет в мой уединенный мир бурю. И, к своему удивлению, я почти ждала этого.

«Отличная работа, Эви, — саркастически подвела я итог. — Ты не только ввязалась в чуждую тебе войну, но и пригласила прямо в гостиную одного из главных действующих лиц. Релакс удался на славу».

С этими мыслями я откинулась на спинку кресла, решив не уходить в спальню. Что, если ему станет хуже? Нужно быть рядом.

Итак, я осталась сидеть в кресле, пристально глядя на спящего мужчину, чье присутствие уже начало менять привычный ход вещей в моем зачарованном доме

Глава 11

Он пришел в себя не сразу. Не резко, не с воплем и не в панике. Его возвращение к сознанию было таким же мощным и постепенным, как прилив.

Сначала его пальцы дрогнули. Всего лишь легкое движение на одеяле, но я, дремавшая в кресле, заметила это мгновенно. Затем его дыхание, до этого ровное и глубокое, сбилось, стало более осознанным. Он почувствовал боль. Я видела, как его мышцы напряглись, пытаясь инстинктивно свернуться, но израненное тело не подчинилось.

Я не шевельнулась, просто наблюдала, пристально и безмолвно, как хищник у водопоя.

Его веки затрепетали и медленно приподнялись. Глаза... Я ожидала увидеть боль, смятение, страх. Но в его взгляде, мутном от недавнего забытья, читалось нечто иное. Оценка. Мгновенное, почти машинное сканирование окружающего пространства. Он увидел низкие, темные балки потолка, полки, ломящиеся от склянок и свитков, огонь в камине. И наконец, его взгляд упал на меня.

Глаза цвета грозового неба, пронзительные и умные, встретились с моими. В них не было ни капли слабости. Лишь вопрос. Глубокий, безмолвный вопрос.

Он попытался приподняться на локте и глухо простонал, его лицо исказила гримаса боли. Шрам на его щеке багрово

выделился на побледневшей коже.

— Я бы не советовала, — сказала я, наконец нарушив тишину. Мой голос прозвучал ровно, без сочувствия, но и без враждебности. Констатация факта. — Твои ребра и твоя магия сейчас в состоянии хрупкого перемирия. Не стоит его нарушать.

Он замер, все еще полулежа, и его взгляд стал еще более пристальным. Он изучал мое лицо, позу, сам воздух вокруг меня.

— Где я? — его голос был хриплым, разбитым, но в нем чувствовалась привычка командовать.

— В безопасности, — ответила я уклончиво. — Насколько это возможно для человека, побывавшего в эпицентре «Клины Пустоты».

Его глаза сузились. Он понял, о каком заклинании идет речь.

— Остальные? — спросил он отрывисто.

Я покачала головой, одним медленным движением. Смысл был ясен. Он на секунду сомкнул веки, и по его лицу пробежала тень боли — на этот раз не физической. Ответственности. Потери. Затем он снова открыл глаза, и они снова были ясными и собранными.

— Ты... — он начал и запнулся, пересыхающие губы затрудняли речь. — Ты вытащила меня оттуда.

— Это сложно было не заметить, да? — я поднялась с кресла, подошла к столу и налила ему воды в простую дере-

вянную кружку. — Пей. Медленно.

Я протянула ему кружку. Он взял ее, его пальцы едва дрожали. Он отпил несколько маленьких глотков, не сводя с меня глаз. Я чувствовала, как его магия, все еще слабая, но уже бдительная, осторожно щупала мою ауру. Он пытался понять, что я такое.

— Ты знахарка? — спросил он, возвращая кружку.

— Среди прочего, — я поставила кружку на стол. — А ты, судя по всему, человек, у которого много врагов. И очень нетерпеливых.

На его губах на мгновение дрогнуло подобие улыбки. Горькой и короткой.

— Это можно назвать профессиональной деформацией. — Он снова попытался найти более удобное положение, и снова лицо его подергалось от боли. — Я обязан тебе жизнью.

— Пока что, — парировала я. — Жизнь — вещь длинная. Ты еще можешь передумать, когда попробуешь мое целебное варево. Оно горше твоих поражений.

На этот раз он хрипло рассмеялся, и тут же закашлялся, хватаясь за грудь.

— Черт... Ладно, предупреждение принято.

Между нами повисла пауза. Он лежал, собираясь с силами, я стояла, наблюдая за ним. Притяжение, которое я чувствовала раньше, теперь стало почти осязаемым. Оно витало в воздухе, как запах грозы после долгой засухи. Это было

не просто любопытство к сильному противнику. Это было нечто более глубокое, более примитивное. Признание равной силы. Магнита, встретившего свою противоположность.

— Меня зовут Каэлен, — сказал он наконец, глядя прямо на меня. Его взгляд был открытым вызовом и благодарностью одновременно.

Я склонила голову.

— Эветта.

— Эветта, — повторил он, и мое имя на его устах прозвучало как клятва. — Что теперь?

— Теперь, — сказала я, возвращаясь к своему креслу, — ты отдыхаешь. А я решаю, что делать с непрошеным гостем, который умудрился чуть не умереть на моем пороге. И, поверь, у меня для этого есть варианты и похуже болотного варева.

Он снова усмехнулся, коротко и глухо, и закрыл глаза, словно смирившись с неизбежным. Но на его лице застыло не поражение, а странное, настороженное спокойствие. Он был в руках загадочной женщины, спасшей его из ада. И, похоже, эта перспектива его не пугала. Интриговала.

А я сидела в своем кресле и понимала, что игра только начинается. И что мой «непрошенный гость» оказался куда интереснее, чем я могла предположить.

Глава 12

Каэлен провел под моим кровом три дня. Три дня, за которые я успела узнать о нем больше, чем иные узнают за годы. Не потому что он был разговорчив — как раз наоборот. Но он был как открытая книга, написанная на языке жестов, взглядов и того, как человек переносит боль.

Он был ужасным пациентом. Нетерпеливым, упрямым и постоянно пытавшимся оценить свои силы. На второй день он уже нашел в себе энергию, чтобы саркастически поинтересоваться, не собираюсь ли я добавлять в его похлебку болотные корешки для «пущей пикантности».

— Только если ты будешь особенно непослушным, — парировала я, меняя ему повязку на груди. — У меня есть особый сорт, от которого отрастают лишайники за ушами. Хочешь попробовать?

Он фыркнул, но позволил мне закончить, не дергаясь. Мы вели эти словесные дуэли, пока я обрабатывала его раны, и это стало нашим странным ритуалом. Его шрам, кстати, заживал с пугающей скоростью. Его собственная магия работала в унисон с моими снадобьями, и я видела, как с каждым часом в него возвращается сила. Он был как выброшенный на берег кит — могучий, но беспомощный, и отчаянно желавший вернуться в свою стихию.

На третий день он уже сидел в кресле у камина, закутан-

ный в одеяло. Я принесла ему еду — простую похлебку и хлеб. Он ел с аппетитом выздоравливающего, а потом отодвинул миску и уставился на меня своим пронзительным взглядом.

— Этот дом, — начал он обдуманно. — Он не просто спрятан. Он... живой.

Я подняла бровь, доедая свой хлеб.

— У всех домов есть характер. Этот просто более выразителен.

— Он не пускает сюда никого, правда? — Каэлен окинул взглядом комнату. — Я чувствую, как границы сжимаются, если мои мысли становятся слишком любопытными. Как ты тогда вытащила меня сюда?

— Я его хозяйка, — пожала я плечами. — У меня есть свои ключи. И я могу быть очень убедительной.

Он покачал головой, и в его глазах читалось нечто вроде уважения, смешанного с недоверием.

— Люди ищут меня, Эветта. Мои люди. И люди Парадиза. Твоя уловка с пространством... она не могла скрыть все следы. Рано или поздно они найдут это место.

— Пусть попробуют, — я отпила из своей кружки. — Мой дом не любит непрощенных гостей. А я и подавно.

— Ты не понимаешь, — его голос стал жестче. — Это не просто патруль. За мной охотятся. И если они найдут тебя... Твоя жизнь здесь, твое уединение — все это закончится.

В его словах не было угрозы. Было предупреждение. По-

чти... забота. Меня это одновременно тронуло и разозлило.

— Моя жизнь здесь уже закончилась в тот момент, когда твои друзья из Парадиза решили устроить фейерверк из плоти и костей на моем пороге, — холодно ответила я. — Я не собираюсь прятаться. И не собираюсь никуда уходить.

— Тогда позволь мне помочь, — сказал он тихо. — Когда я уйду, я могу сделать так, чтобы поиски шли в другом направлении. Я могу...

— Ты можешь ничего не делать, — перебила я его. — Ты мой пациент. Твоя работа — выздоравливать. А моя — решать, что делать с тобой дальше. И поверь, — я посмотрела ему прямо в глаза, — я еще не решила.

Мы смотрели друг на друга через камин, и воздух снова наэлектризовался. Это было уже не простое любопытство или признание силы. Это было противостояние двух миров. Его мира — империй, долга, интриг. И моего — леса, одиночества и своей собственной воли.

Он первый отвел взгляд, смотря на огонь.

— Я обязан тебе жизнью, — повторил он свои слова из первого дня. — И я не привык быть в долгу.

— Привыкай, — я встала и забрала его миску. — Опыт может оказаться поучительным.

Я ушла на кухню, оставив его сидеть в одиночестве. Но я чувствовала его взгляд у себя на спине. И понимала, что он прав. Его присутствие здесь было бомбой с часовым механизмом. Рано или поздно она взорвется.

Но что-то внутри меня, что-то давно забытое и спящее, шевельнулось от этой мысли. Не страх. Нет. Предвкушение. Игра становилась все интереснее.

Глава 13

К четвертому дню Каэлен уже расхаживал по гостиной, напоминая раненого барса в клетке. Его магия почти полностью восстановилась, и она ощущалась теперь как постоянное, едва слышное гудение в воздухе — ровное, контролируемое, но невероятно мощное. Он изучал мои книги, вернее, их корешки, так как большинство были написаны на языках, мертвых еще до его рождения.

Я наблюдала за ним, сидя в своем кресле и формально занимаясь вышиванием — занятием, которое я ненавидела всей душой, но которое было прекрасным прикрытием для наблюдений.

— Ты так и не сказала, как давно ты здесь живешь, — его голос прозвучал неожиданно, нарушая тишину.

— Достаточно давно, чтобы знать, что любопытство и кошку погубило, — не отрываясь от уродливого узора на канве, парировала я.

Он повернулся ко мне, облокотившись о косяк двери. Его поза была расслабленной, но в глазах — все та же оценивающая острота.

— Я не пытаюсь быть неуместным. Я пытаюсь понять. Я чувствую твою силу. Такое не остается незамеченным...

— Моя сила и мои знания — это мое личное дело, — я отложила вышивку с облегчением. — И, в отличие от неко-

торых, я не испытываю потребности демонстрировать их, устраивая магические фейерверки.

Укол попал в цель. Его лицо на мгновение омрачилось.

— Это заклятье было не моим. Его применили фанатики из Парадиза. Я лишь пытался его сдержать.

— И как успехи? — я поднялась с кресла и подошла к камину, чтобы подбросить полено.

— Ты видела результат, — его голос стал тише, но в нем зазвенела сталь. — Они уничтожили всех. Моих людей, своих... всех. Иногда не остается ни выбора, ни правильного решения. Только цена.

Я обернулась к нему. Он стоял, сжав кулаки, и его шрам багровел на бледной коже. В его глазах горела не ярость, а холодная, безжалостная правда человека, видевшего слишком много смертей.

И в этот момент я увидела не высокомерного аристократа или благодарного пациента. Я увидела человека, несущего на своих плечах груз, который сломал бы любого другого. И поняла, что наши миры не так уж и далеки друг от друга. Мы оба были сильными. И мы оба были одиноки в своей силе.

— Возможно, — сказала я мягче. — Но это не делает результат менее отвратительным.

Мы стояли друг напротив друга, разделенные всего парой шагов. Расстояние, которое внезапно стало одновременно бесконечным и ничтожно малым. Воздух в комнате изменился — стал гуще, теплее. Пламя в камине отбрасывало

подвижные тени на его лицо, подчеркивая резкие черты и линию шрама.

Он сделал шаг вперед. Не угрожающе. Скорее... притягиваясь.

— Ты спасла меня, — прошептал он. Голос потерял привычную твердость, в нем появились новые, незнакомые ноты. — Не зная, кто я. Не зная, какую опасность я несу с собой. Почему?

Его взгляд был пристальным, почти физическим прикосновением. Я чувствовала, как его магия, теплая и живая, невольно тянется к моей, холодной и древней, создавая между нами незримую связь.

— Потому что я могу, — ответила я, и мой голос прозвучал тише обычного, потеряв привычную ироничную окраску. — И потому что это было мое решение.

Он был так близко, что я чувствовала исходящее от него тепло, вдыхала смесь запахов лечебных трав, дыма и чего-то неуловимого, сугубо мужского, его. Я видела каждую деталь его лица — зазубренную линию шрама, твердый подбородок, пронзительные глаза, в которых читалась не только благодарность, но и вопрос. И тоска по чему-то настоящему, что не было связано с долгом или войной.

И я поняла, что где-то в глубине отвечаю ему тем же. Двести сорок пять лет жизни заставляют обращать внимание на подобные моменты. За последние десятилетия никто не был достаточно силен, чтобы увидеть за могущественной «зна-

харкой» просто женщину.

Его рука поднялась, медленно, давая мне время отступить, испугаться, остановить его. Но я не сделала ни движения. Завороженная, я следила, как его пальцы приближаются. Они коснулись пряди моих волос, выбившейся из привычной укладки. Прикосновение было шокирующе нежным, почти благоговейным. Грубая кожа его пальцев на моей щеке показалась обжигаяще живой.

— Эветта, — он произнес мое имя как заклинание, тихо, с непривычной мягкостью.

В этот миг расстояние между нами исчезло. Не физически — мы все еще стояли, не соприкасаясь. Но что-то рухнуло. Какая-то невидимая стена, которую я возводила веками. Воздух зарядился напряженным, сладким ожиданием. Его взгляд скользнул с моих глаз на губы, и мое дыхание застряло в горле.

Я видела его желание. Чувствовала его всем существом. И знала, что мое собственное отражается в моих глазах.

Но я не двинулась с места. И он не сделал следующего шага. Мы замерли в этом хрупком равновесии, в пространстве между решением и действием, где каждое мгновение было наполнено громче любых слов.

Он медленно опустил руку, его пальцы разжались, отпуская мои волосы.

— Я, пожалуй, пойду прилягу, — его голос снова стал глухим, но в нем дрожала не уходящая напряженность. — Ра-

ны... напоминают о себе.

Я лишь кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Он развернулся и ушел в свою комнату, оставив меня стоять у камина с бешено колотящимся сердцем и осознанием одной простой истины: что-то изменилось. Безвозвратно. И какой бы опасной ни была эта перемена, я не хотела, чтобы все оставалось как прежде.

Глава 14

На следующее утро мы встретились за завтраком, как ни в чем не бывало. Солнечные лучи робко пробивались сквозь зачарованные окна, освещая стол с простой едой. Но обычной утренней атмосферы не было. Воздух все еще был густ от невысказанных слов и незавершенного жеста.

Каэлен сидел напротив, его поза была, как всегда, собранной, но во взгляде читалась настороженность. Он изучал меня, как шпион изучает вражескую территорию, пытаясь найти слабые места.

— Твой дом удивительно... тихий, — начал он, отламывая кусок хлеба. — Ни звука снаружи. Ни птиц, ни ветра.

— Он ценит уединение, — я отпила травяного чаю. — И, в отличие от некоторых гостей, умеет хранить секреты.

Уголок его губ дрогнул.

— А у тебя их много? Секретов.

— О, милый мальчик, — я сладко улыбнулась. — Если бы я раскрыла все свои секреты, тебе понадобилась бы еще одна жизнь. И то вряд ли хватило бы.

— Я не мальчик, — его голос прозвучал тише, но тверже. — И мне достаточно знать лишь один секрет. Кто ты, и почему ты меня спасаешь?

— Я — та, кто вытащила тебя из ада. А почему... — я сделала паузу, наслаждаясь моментом, — ...потому что посчи-

тала тебя достаточно интересным, чтобы потратить на тебя свои запасы целебных кореньев. Они, знаешь ли, на вес золота.

Он откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. Движение было плавным, но я видела, как напряглись мышцы его плеч.

— Интересным? — он приподнял бровь. — Обычно людей спасают из сострадания. Или ради выгоды.

— Сострадание — для сентиментальных глупцов, — парировала я. — А выгода... Что ты можешь предложить мне, незнакомец, чье полное имя я до сих пор не знаю?

Это был рискованный ход. Но игра того стоила.

Он замер, и я увидела мгновенную борьбу в его глазах. Довериться или нет? Раскрыть карты или сохранить козыри?

— Я уже представлялся. Просто Каэлен, — наконец сказал он. Просто имя. Без титулов, без званий.

— Каэлен, — повторила я, — А я — знахарка Эветта. Доволен?

— Это начало, — он не сводил с меня глаз. — Но не ответ.

— Ответы нужно заслужить, Каэлен. А ты пока что лишь съел мой хлеб и выпил мой чай. И, должен заметить, без особой благодарности.

— Благодарность — не единственная валюта, в которой я привык рассчитывать.

— О, — я притворно восхищенно всплеснула руками. — Значит, ты богат? Или могуществен? Или, может быть, у те-

бя есть доступ к каким-то особым... ресурсам?

Его глаза сузились. Он понял, что я веду его по запутанному лабиринту слов, и ему это не нравилось. Но и отступить он не собирался.

— У меня есть доступ к информации, — сказал он обдуманно. — И я знаю, что в этих лесах происходит нечто важное. Что-то, что привлекло внимание... моих противников.

— Твоих противников, — я сделала вид, что задумалась. — А они, эти твои противники, часто устраивают такие яркие, но безвкусные шоу?

— Только когда хотят послать четкое сообщение.

— Сообщение кому? — я наклонилась вперед, опустив голос до конспиративного шепота. — Лешим? Кикиморам? Мне?

Он не ответил. Но его молчание было красноречивее любых слов. Он подозревал. Он что-то знал. Или, по крайней мере, догадывался.

— Возможно, сообщение было предназначено тем, кто считает эти леса своими, — наконец сказал он. Его взгляд скользнул по стенам, по книгам, по мне. — Тем, у кого достаточно силы, чтобы спрятать целый дом от всего мира.

Наша словесная дуэль продолжалась, и с каждым обменом репликами напряжение росло. Но это было уже не напряжение вражды. Это было напряжение двух сильных личностей, меряющихся остроумием и интеллектом, зондирующих друг друга, пытающихся найти общий язык или, наоборот, слабое

место.

И сквозь это напряжение пробивалось нечто иное. Искра взаимного интереса. Признания. Почти... флирта.

— Знаешь, — сказала я, вставая и забирая его тарелку, — для человека, который должен быть благодарен за спасение, ты удивительно... допросчив.

— А для знахарки, — он тоже поднялся, его рост заставил меня слегка запрокинуть голову, — ты удивительно хорошо осведомлена о магических взрывах и политических интригах.

Мы стояли близко. Слишком близко для незнакомцев. Слишком далеко для тех, между кем пробежала искра.

— О, милый Каэлен, — я вздохнула с преувеличенной тоской. — Когда живешь так долго, как я, трудно не стать немного... циничной. И немного осведомленной обо всем на свете.

Я повернулась, чтобы уйти, чувствуя его взгляд на своей спине. Игра только начиналась. И я намерена была наслаждаться ею сполна.

Глава 15

День тянулся медленно, наполненный невысказанными словами и взглядами, которые повисали в воздухе гуще лесного тумана. Каэлен, казалось, решил сменить тактику. Если утром он атаковал в лоб, то теперь принялся за осторожное маневрирование.

Он последовал за мной в сад, когда я пошла собирать травы для очередного отвара. Прислонившись к косяку двери, он наблюдал, как я аккуратно срезаю стебли и кладу их в плетеную корзину.

— Ты делаешь это вручную, — заметил он. — Почему не используешь магию?

— Магия — как дорогое вино, — не оборачиваясь, ответила я. — Если пользоваться ею для каждой мелочи, перестаешь чувствовать вкус. К тому же, растения это ценят. Они чувствуют нежность прикосновения.

— Нежность, — он произнес это слово с легкой насмешкой, но без прежней колкости. — Не думал, что услышу его из твоих уст.

Я обернулась, прищурившись от солнца.

— А ты думал, я только сарказмом и питаюсь? Увы, мой рацион куда разнообразнее. Как, полагаю, и твой.

Его губы тронула тень улыбки.

— Ты постоянно намекаешь на мое прошлое, но сама хра-

нишь молчание о своем. Это нечестно.

— А кто сказал, что я играю честно? — я протянула ему пучок мяты. — Понюхай. Успокаивает нервы. Тебе явно не помешает.

Он взял траву, его пальцы на мгновение коснулись моих. Легкое, почти случайное прикосновение, от которого по коже побежали мурашки. Он поднес мяту к лицу, вдыхая аромат.

— Знаешь, в Садириз такие травы выращивают в специальных оранжереях, — сказал он задумчиво. — С помощью магических кристаллов и сложных систем полива.

— И как, у них такая же душа? — я повернулась и пошла дальше по тропинке.

Он последовал за мной, как тень.

— Душа? У растений?

— Всякая живая вещь имеет душу, Каэлен. Даже тот дуб, на который ты сейчас смотришь с таким пренебрежением.

— Я не с пренебрежением, — он догнал меня, и теперь мы шли рядом. — Я с интересом. Ты заставляешь меня видеть вещи... иначе.

— О, ужас, — я притворно содрогнулась. — Я размягчаю мозги имперскому солдату. Мне теперь ждать карательной экспедиции?

— Я не просто солдат.

Наконец-то. Первая трещина в его броне.

— Ну конечно, — кивнула я. — Солдаты редко носят та-

кие дорогие сапоги, даже под слоем грязи и крови. И редко так свободно рассуждают о магических оранжереях империи.

Он остановился, заставив и меня замедлить шаг.

— Ты играешь со мной, Эветта.

— А ты со мной, Каэлен, — я посмотрела ему прямо в глаза. — Разница лишь в том, что я не притворяюсь, что это что-то иное.

Мы снова замерли в немом поединке. Солнце пригревало, птицы пели вдали, а между нами висело то самое невысказанное, что родилось прошлым вечером у камина. Его взгляд скользнул по моим губам, и я почувствовала, как учащенно забилось сердце. Проклятое сердце, забывшее за два с лишним века, что оно может вести себя так глупо.

— Может, хватит игр? — его голос прозвучал тише, с новой, опасной ноткой. — Скажи мне, что ты хочешь. Почему я здесь?

— Потому что я так решила, — мой собственный голос вдруг осип. — И пока мне не надоест твоя компания, ты никуда не денешься. Прими это как данность.

Он шагнул ближе. Теперь между нами не было и полушага.

— А что, если мне надоест быть твоим пленником?

— Ты не пленник, — я не отступала, поднимая подбородок. — Ты... гость. С осложнениями.

— Осложнения, — он медленно протянул руку и смахнул

с моего плеча упавший листок. Его пальцы опалили ткань платья. — Это точно слово.

Его прикосновение длилось всего мгновение, но его тепло просочилось сквозь ткань и обожгло кожу. В воздухе снова запахло грозой. Его магия, мощная и упрямая, снова потянулась к моей, и на этот раз я не стала ей сопротивляться. Позволила нашим аурам смешаться, ощутив странную гармонию в этом противостоянии.

Он почувствовал это. Его глаза расширились от осознания. Он понял, что я позволила ему это. Что я не оттолкнула.

— Черт возьми, Эветта, — прошептал он, и в его голосе прозвучало не только раздражение, но и восхищение.

— Уже ближе, — выдохнула я.

В этот момент с крыльца донесся возмущенный скрип. Дом напоминал о себе. О том, что мы стоим на пороге, а не в уединенной роще.

Каэлен отступил на шаг, и завеса снова упала между нами. Но теперь в ней была дыра. И через нее было видно слишком многое.

— Кажется, твой дом ревнует, — произнес он, и в его глазах снова появился знакомый огонек насмешки.

— У него есть на то причины, — я повернулась и пошла к дому, чувствуя, как жар разливается по щекам. — И не смей улыбаться. Иди помоги мне растолочь эти травы. Раз уж ты здесь, можешь быть полезным.

— Как скажешь, хозяйка, — его голос донесся сзади, и я

услышала в нем новую, непривычную мягкость.

И поняла, что игра становится все опаснее. Потому что мне начинало нравиться, как он произносит слово «хозяйка».

Глава 16

Вечер застал нас в гостиной. Я устроилась в своем кресле с книгой, которую не читала, а он сидел напротив, чистя яблоко небольшим ножом, который нашел бог знает где. Движения его рук были точными, выверенными. Привыкший к оружию, даже за таким мирным занятием.

Тишина между нами была особого свойства — не неловкая, а насыщенная, как воздух перед грозой. Мы оба избегали смотреть друг на друга, и от этого каждый взгляд, брошенный украдкой, становился еще весомее.

Нож в его руках замер. Он не поднимая глаз спросил:
— Ты всегда была одна здесь?

Вопрос застал врасплох. Не своей прямоотой, а тем, что прозвучал без привычной доли подозрения. С простым, почти человеческим любопытством.

— Не всегда, — ответила я, откладывая книгу. — Но последнее время — да. Это... осознанный выбор.

— Почему? — он наконец поднял на меня взгляд. В свете камина его глаза казались темнее, почти черными.

— Потому что люди утомительны. Они либо боятся тебя, либо хотят что-то от тебя получить. Иногда и то, и другое одновременно. — Я мотнула головой в его сторону. — Взять хотя бы тебя. Ты до сих пор не решил, бояться меня или попытаться мной воспользоваться.

Он отрезал тонкий ломтик яблока, поднес его ко рту, но не стал есть.

— Есть третий вариант.

— И какой же? — я приподняла бровь.

— Попытаться понять.

Я рассмеялась, коротко и беззвучно.

— О, это самый опасный путь, милый Каэлен. Понять — значит принять. А принять — значит позволить войти в свою жизнь. А я свою жизнь очень тщательно обустроивала. И, должна признать, без лишних гостей.

— Да уж, вижу, — он обвел взглядом комнату, и в его голосе прозвучала та самая мягкость, что смущала меня днем. — Обустроила с размахом. Целая библиотека на мертвых языках. Запасы трав, которых нет в самых полных гербариях Садириз. И дом, который дышит. Буквально.

Я почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он был куда наблюдательнее, чем я предполагала.

— Ты очень внимателен для человека, который должен быть благодарен за свое спасение и помалкивать.

— Я благодарен, — он отложил нож и яблоко, сложил руки на коленях. Его поза стала официальной, как на переговорах. — И именно поэтому я предлагаю перемирие. Хотя бы на вечер.

— Перемирие? — я скептически покачала головой. — Между нами нет войны.

— Нет? — он улыбнулся, и шрам на его щеке изогнулся.

— А что тогда все эти словесные дуэли? Постоянные попытки поймать друг друга на слове? Это что, флирт такой особый?

От его прямолинейности у меня перехватило дыхание. Он сменил тактику, пошел ва-банк, и черт побери, это сработало.

— Это... самооборона, — выдохнула я, чувствуя, как предательский жар заливает щеки.

— От чего? — он наклонился вперед, и его взгляд стал пристальным, не отпускающим. — От меня? Или от того, что ты чувствуешь?

Я встала, мне нужно было расстояние, нужно было отойти от этого пламени, что он так легко разжигал.

— Ты переходишь границы.

— Какие границы, Эветта? — он тоже поднялся, но не сделал шага ко мне. — Ты сама сказала, что я гость. А гостю положено хоть какое-то гостеприимство. Хотя бы каплю искренности.

— Искренности? — я резко обернулась к нему. — Хорошо. Будь по-твоему. Ты хочешь искренности? Я скажу. Ты первое по-настоящему интересное, что случилось со мной за последние... много лет. Ты силен. Умен. И чертовски опасен. Не потому что воин или маг. А потому что заставляешь меня забывать, почему я должна держать тебя на расстоянии. Доволен?

Он замер, и по его лицу пробежала тень какого-то слож-

ного чувства — торжества, удивления и чего-то еще, чего я не могла понять.

— Да, — тихо сказал он. — Это начало.

— Это конец, — поправила я его, сжимая руки в кулаки.
— Конец этой беседы. И конец перемирия. Через сутки ты уходишь.

Я повернулась, чтобы уйти, чувствуя, как дрожу от ярости, на него, на себя, на эту невозможную ситуацию.

— Эветта.

Я не обернулась, застыв у двери.

— Спасибо, — произнес он сзади. Его голос снова был мягким. — За искренность.

Я вышла, не ответив, и заперлась в своей комнате, прислонившись лбом к прохладной древесине двери. Проклятый, проклятый мужчина. Он вскрыл мою защиту, как консервную банку. И самое ужасное было в том, что часть меня... была ему благодарна за это.

А другая часть уже строила планы, как быстрее и безболезненнее выпроводить его из своего дома и из своей жизни. Пока не стало слишком поздно.

Глава 17

Ночь не принесла покоя. Я ворочалась на постели, прислушиваясь к скрипу половиц в доме и к собственным мыслям, которые кружились, как осенние листья в вихре.

Его слова. Его взгляд. То проклятое прикосновение к волосам. Все это смешалось в голове в один беспокойный клубок. Но сквозь хаос чувств пробивалась ледяная, кристально ясная

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.